

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Ю.К. Кузьменко. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011. 268 с. ISBN 978-5-98187-870-1

В самом конце 2011 г. в Петербурге вышла монография Ю.К. Кузьменко, 15 лет проработавшего в Германии. Автор поставил перед собой ту же задачу, которую примерно на том же материале решал полвека назад в двух книгах [Nachmann et al. 1962; Nachmann 1970] крупный немецкий историк и археолог Рольф Гахман (Хахман). В первой из этих книг его соавторами были видный лингвист Г. Кун и еще один выдающийся археолог Г. Коссак. Тогда они тоже стремились провести синтез разных видов источников – из области истории, языкознания, топонимики и археологии. Я опубликовал пространственные рецензии на труды Гахмана и его соавторов [Клейн 1974; Klejn 1974]. С моей точки зрения, книги были замечательные, но синтез не получился. Синтез разных видов источников – вообще очень трудная задача. Нередко в нем участвует еще и антропология – в книге Кузьменко в соответствии с духом времени ее заменяет археогенетика.

Авторы были чрезвычайно компетентными и талантливыми исследователями. Именно в этих трудах Куном и Гахманом была выдвинута подхваченная и развитая Кузьменко гипотеза о третьем этническом блоке – между германцами и кельтами (в регионе современных Бельгии и Голландии), который, может быть, и носил первоначально название германцев, впоследствии перешедшее на тех, кого и стали потом называть германцами: это ведь не их самоназвание. (У Кузьменко это италики, что не исключено, хотя доказательств не так уж много.) Почему же полвека назад синтез не получился? Эти авторы пришли к мысли, что каждый аспект этнического развития очень отличается от других, что в каждой из дисциплин нужно работать отдельно и лишь потом сводить результаты воедино. Если совпадут, отлично. А если не совпадут (а не совпали!),

то как быть? Принципы синтеза разработаны не были.

Как обстоит с этим вопросом в исследовании Кузьменко? Я не берусь судить о лингвистической составляющей этого труда, моя компетенция – археология, и я накопил некоторый опыт в решении проблем синтеза разных видов источников. Мне импонирует тот факт, что автор отделяет изучение судеб названия этноса (слово *германцы*) от самого понятия этноса. Более того, в сноске автор пишет: «Не вдаваясь в дискуссию о том, что такое этнос, определяю его как исторически сложившуюся общность людей, сознающих общность своего происхождения, единство своей истории и свое отличие от других этносов» (с. 8, сн. 6). Но это и есть очень хорошее определение этноса, отнюдь не условное или предварительное. Этнос потому так долго и не поддавался дефиниции с помощью перечня реальных признаков, что он не стабильная категория исторической реальности, а категория социальной психологии. Это общность людей, испытывающих взаимную солидарность благодаря идее общего происхождения, выделяющего их из окрестного населения – вне зависимости от того, достоверно это или нет. Этой идее подыскиваются подтверждения среди реальных признаков – общность языка или религии, или расового облика и т.д. Поэтому все исследования по этногенезу сводятся к проблеме происхождения языковой общности или языковой семьи. Можно выяснять происхождение общности материальной культуры, но это другая проблема. А происхождение общности физического облика (если она есть) – третья. Автор, как мне кажется, не вполне осознает это. Он понимает, что раннеисторические германцы, вероятно, не имели общего самоназвания, не сознавали себя единым этносом. А кого

римские историки называли германцами и во все не ясно. Но все же автор склонен думать, что решает именно эту проблему – проблему этногенеза. А ее нет.

Он решает в сущности проблему происхождения германской языковой общности, привлекая данные археологии и археогенетики.

С какого времени германский язык стал германским? Автор книги делит процесс возникновения и формирования германского языка на протогерманскую и общегерманскую стадии, размышляя о том, какие явления в языке стоит положить в основу деления (Первый перебой согласных, закон Вернера и т.п.). Когда речь идет о развитии языка одного народа, каждая инновация лишь немного изменяет язык, и их должно накопиться много, чтобы новые поколения перестали понимать записанную речь своих предков. Так, мы еще понимаем, хотя и с трудом, речь Ивана Грозного, но нуждаемся в переводе «Слова о полку Игореве». А прошло чуть больше восьмисот лет. Стало быть, около тысячи лет отделяет предков от потомков, говорящих уже на другом языке. Но это подвижная граница: для людей времен Петра рубеж понимания отодвинется еще на несколько сотен лет. А значит, разделить историю языка на безусловные периоды затруднительно.

Но когда народ разделился, то можно установить, когда люди одной группы перестали понимать людей другой группы, а значит, появились два разных языка. Это тоже вовсе не знаменуется одной-двумя инновациями. Английский Великобритании, Австралии и США уже немного разный, но еще не разделился. Можно полагать, что и язык ариев не распался сразу на языки индоариев и иранцев немедленно после разделения на два народа. Та же картина должна быть и с германцами – с их выделением и их разделением. Во всяком случае при всех «скидках» на запаздывание филиация – это единственный устойчивый критерий для периодизации.

Подобно своим названным предшественникам автор книги понимает, что непременно прямого совпадения языковых общностей с археологическими культурами (и гаплогруппами) нет. Более того, в распределении изоглосс нет и четкого деления по ступеням распада и образовавшимся общностям, все более дробным. Изоглоссы образуют очень капризную сеть, в которой выделить господствующие пучки изоглосс можно, но они не дают четкого разделения и ясной иерархии. Поэтому в поисках ближайших родственников для германцев среди индоевропейцев, то есть выявляя выделившиеся из праиндоевропейцев промежуточные большие общности, одни исследователи склонны счи-

тать, что в прошлом предки германцев входили в одну промежуточную общность с предками славян и балтов – восточную, а другие считают, что они входили как раз в западную общность – вместе с италиками и кельтами. Есть много инноваций, по изрядному числу сходств общих и с теми и с другими.

Основным достижением Кузьменко мне представляется то, что он сопоставил эти два больших пучка изоглосс (структурных, грамматических, лексических, фонологических), определил их функциональную роль в синтезе и пришел к выводу, что они являются не наследием той или иной промежуточной общности (тогда надо отказаться от одной из них), а остались от контактов с обеими группами соседей. Он заключил, что на этапе своего формирования (предположительно в бронзовом веке) германский язык контактировал с италийским и балтийским (или балтославянским), а на более позднем этапе (предположительно в железном веке) италийцев заменили кельты, а балтов (еще позже, уже после распада германского на три части, близко к началу средневековья) – славяне.

Третий пучок изоглосс очертил зону контактов с третьей группой соседей, северной – с финно-уграми.

Кузьменко также аргументированно отверг популярную у многих исследователей гипотезу центральноевропейского языка – промежуточной общности между праиндоевропейским и отдельными современными индоевропейскими языками, выделенной Краэ только на основании гидронимии и не поддержанной изоглоссами. Многообещающие гипотезы о доиндоевропейских субстратах – приморском, васконском (родственном баскскому) и т.п. выглядят у Кузьменко сильно отошавшими, хотя и не отвергнутыми полностью. Все это создает новую ситуацию в обсуждении развития индоевропейских диалектов на севере Европы. Основой такого обсуждения остается анализ изоглосс, приводящих к выводам о контактах.

Какими в реальности были контакты, порождающие языковое сближение? Если лексические заимствования могут объясняться торгово-обменными сношениями, то фонологические, структурные и грамматические изоглоссы могут объясняться только длительным сожительством значительных масс людей, когда одни переходят на язык других или начинают им подражать в речи. А это означает брачный обмен, адаптацию пленных или союзников в род, совместное проживание в поселениях, захват и ассимиляцию территорий и населения, распространение религии с прибытием иноплеменных жрецов. Археологически это может выразиться в констатации влияния од-

ной культуры на другую, в расширении некой культуры или в формировании совершенно новой культуры из разных компонентов (с корнями, уходящими в разные культуры). То есть на месте «зоны контакта» мы можем обнаружить не две культуры, а одну, в рамках которой и происходит контакт двух языковых компонентов. На основании археологических данных невозможно сказать, какой язык в ней возобладает в итоге, потому что мощностъ культурного вклада не имеет неперемного соответствия интенсивности языкового контакта. В раннем средневековье славянские земли на Дунае были захвачены булгарами и венграми, и это можно проследить по материальной культуре, но в одном случае язык остался славянским (болгарский), в другом – победил венгерский. Археологи будущего могли бы по материальной культуре решить, что Россия в XX в. была захвачена каким-то западноевропейским государством, а на деле русские войска заняли пол-Европы.

С этим вопросом мы переходим к археологической составляющей труда Кузьменко. Он хорошо разобрался в разных гипотезах формирования германцев по данным археологии, изложив восемь таких гипотез – от «палеолитической непрерывности» до формирования в эпоху Римской империи (тут произошел небольшой конфуз: автор сбился со счета и гипотезы третья и четвертая получили один номер, поэтому всего вышло якобы семь гипотез). Вот эти гипотезы:

1) германцы сформировались еще в палеолите и заселили северную Европу сразу за отступанием ледника (10–5 тыс. лет до н.э.);

2) они, а не индоевропейцы вообще являются носителями культуры воронковидных кубков (4500–2700 гг. до н.э.);

3) они сформировались из двух сил – новой культуры шаровидных амфор и старых культур воронковидных кубков и мегалитов (3600–2150 гг. до н.э.);

4) германцы – результат наслоения на старые культуры культуры не шаровидных амфор, а шнуровой керамики (3000–2200 гг. до н.э.), которую Кузьменко воспринял как отдельную культуру от культуры одиночных погребений (на деле культура одиночных погребений Ютландии и Швеции – это культура из круга культур боевого топора и шнуровой керамики; см. [Klejn 1969a];

5) германцы сформировались в раннем бронзовом веке Центральной Германии (2300–1600 гг. до н.э.), выделившись из унетицкой культуры;

6) германцы возникли позже в бронзовом веке (1800–800 гг. до н.э.) – они оформлены в культуре «Северного круга»;

7) германцы сформировались в железном веке (600–100 гг. до н.э.) – первых германцев представляет культура Ясторф;

8) германцы сформировались только в эпоху Римской империи (последние века до н.э. – первый век н.э.) – до Цезаря и Тацита германцев не было.

Вот такой разброс мнений. Кузьменко констатирует, что четвертая гипотеза (которая в книге оказывается под номером три-bis) является сейчас господствующей: по ней германцы появились «в результате слияния представителей культуры воронковидных кубков и мегалитов с культурой шнуровой керамики в эпоху неолита» (с. 132). Это не совсем корректная формулировка, поскольку многие выводят культуры боевого топора и шнуровой керамики именно из культуры воронковидных кубков (я также – см. [Klejn 1969b]).

К сожалению, у книги не было редактора-археолога, а автор не владеет русской археологической терминологией. Поэтому, перелагая труды немецких археологов, он изобретал заново русские археологические термины взамен принятых и устоявшихся за последние столетия лет. При чтении приходится все время в уме подставлять на место его изобретений стандартную терминологию: у него «культура шаровых амфор», а нужно «культура шаровидных амфор», «граветтианская культура» (культура граветт), «магдаленская» (мадленская), «мезолитная» (мезолитическая), «культура ладьеобразных топоров» (культура ладьевидных топоров), «керамика колючей проволоки» (керамика с орнаментом в виде колючей проволоки), «штих-керамика» (накольчатая керамика), «домашние урны» (домиковые урны или урны-домики, урны в виде домиков). Некоторые его термины точнее передают исходное обозначение: «Маглемосе» (а у нас принято онемеченное Маглемозе), но другие – нет («Мирзановице» на карте – это польский памятник Межановице).

За исключением книги Ю.В. Кухаренко об археологии Польши и популярной книги А.Л. Монгайта, Кузьменко совершенно игнорирует русскую археологическую литературу по зарубежным европейским культурам – он вполне вошел в образ западного ученого, даже кое в чем и не только по археологии: из работ украинца Кончи он ссылается только на его англоязычную работу, не замечая его украинских статей. Но западные коллеги поступают так по неизбежности – из-за незнания языка. В данном случае это просто недоработка. Русская литература по конкретным европейским культурам невелика, но существует и не вся вторична, а проблема этногенеза в ней – одна из самых разработанных в мире. Автор даже иногда

прибегает к транслитерации имен, как на Западе, тогда как в России принята фонетическая передача (он пишет Неуман, а не Нойман или – по старинке – Нейман, Киттлес, а не Китлз).

Приступая к анализу и оценке восьми гипотез происхождения германцев, Кузьменко утрачивает четкость позиций:

«Если понимать под германцами группу людей, обладавших определенными генетическими признаками, как это фактически делает Алиней, можно утверждать, что германскими были уже палеолитные (т.е. палеолитические. – Л.К.) культуры. Если же под германцами понимать носителей определенной археологической культуры, безотносительно к языку и этническому самосознанию, то в принципе мы можем объявить германской любую археологическую культуру, область распространения которой более или менее совпадает с областью распространения исторически известных германцев, что, как мы видели выше, и делают многие. Наконец, если иметь в виду под германцами этническую группу, сознающую свое единство и свое отличие от соседей, то мы можем сказать, что, вероятно, уже в начале I тыс. до н.э., а возможно и раньше, существовала особая этническая группа “своих” свеев / свебов, которая отличала себя от своих соседей – “финнов” с севера, айстов с востока, венетов и вальхов с юга <...> Эта группа могла иметь одним из своих этнических признаков и язык» (с. 144).

При такой неразборчивости критериев проблема не поддается удовлетворительному решению. Я уже пояснял, что германцев, как и славян, объединяет и отличает от других язык и только язык. Это языковая семья и ничего больше: не раса, не культурная общность, не политическое или религиозное единство. И отыскивать можно только происхождение языковой общности, которая на каком-то этапе могла иметь своей колыбелью этническую и культурную общность.

Кузьменко пишет: «В середине I тыс. до н.э. этническое единство “своих” стало распадаться, и уже к эпохе Цезаря, а еще явственнее к эпохе Тацита, оно уже распалось. Когда сформировалось это единство, сказать трудно. Оно могло появиться и до начала формирования языковых инноваций, отличающих германский язык от языка соседей, и во время появления этих инноваций».

И дальше следует то, что можно расценивать как предлагаемое решение: «Если понимать под германцами группу людей, язык которых отличался от языка соседей (а только такое понимание и имеет смысл. – Л. К.), то поскольку первые германские признаки, которые еще не были исключительно германскими, но соче-

тание которых уже отличало их от языка соседей, появились, вероятнее всего, в III – начале II тыс. до н.э., то появление германцев следует относить к этому периоду» (с. 144). Таким образом, это поздний неолит северной Европы, перед самым формированием Северного (Нордического) круга.

Если исходить из того, что выше сказано о языковых признаках «германскости», то признаков, только сочетание которых отличает население от соседей, еще недостаточно, чтобы констатировать наличие особого языка. Требуется такое их количество, которое обеспечивает непонимание соседями речи этого населения. До этого образуется только диалект. Начальным же пунктом отсчета для формирования этого диалекта является выделение данной группы людей из предшествующей общности, в основном – территориальное отделение (миграция или завоевание, словом некое обособление). Соответственно, стимулом для деления этого языка на дочерние языки будет распад этого этноса, в рамках которого язык сформировался, раскол на несколько этносов, хотя первое время (до тысячи лет) расколовшиеся части будут разговаривать на общем языке, лишь постепенно формируя диалекты с потенцией превращения в языки.

Своим отвержением гипотезы центрально-европейского языка Краэ автор книги углубил время выделения протогерманского. Но, поскольку выделение хеттов и тохаров признается наиболее ранним, а последующий промежуточный распад оставшегося праиндоевропейского (или протоиндоевропейского) на две части – восточную (зародыши арийского с греческим и фригийским) и западную (остальные) – также достаточно вероятен, то все же углубление начала германского не столь уж велико. Его более точные пределы можно очертить, намечая те археологически установимые миграции, которые наиболее подходят для увязки с движением хеттов в Анатолию и тохаров в Синьцзян.

Сравнительно немного места уделено новой для подобных синтезных трудов теме – популяционной генетике. Подходя здраво, автор не стал увлекаться предлагаемыми обещаниями решить все затруднения анализами митохондриальных и Y-хромосомных гаплогрупп, генов и групп крови. Он вполне правильно рассудил, что и антропологические характеристики (включая генетические общности) точно так же не дают неопровержимых совпадений как с языками, так и с этносами, потому что языки переходят от одной популяции к другой, а популяции многократно смешиваются и перемешиваются. Возможно, в первобытном прошлом это осуществлялось не так бурно, как сейчас, но зато на эти процессы в первобытности было

отпущено неимоверно много времени, что уравнивало результаты. Поэтому Кузьменко резонно не стал повторять скороспелые выводы некоторых «ДНК-генеалогов», объявивших одни гаплогруппы славянскими (их же арийскими), другие германскими и т.д. и прослеживающих их миграции ([Клёсов 2011] и др.). Он принял вывод П. Балареск и др. [Balaresque et al. 2010] о глубокой древности митохондриальных гаплогрупп в Европе (то есть о глубокой преемственности женского населения Европы) и сравнительно позднем появлении Y-хромосомных гаплогрупп (то есть мужского населения Европы, пришедшего из стран Ближнего Востока и других мест).

В конкретной истории автор выделил Y-хромосомные гаплогруппы, наиболее густо представленные у германцев (это Y-гаплогруппы II, R1b и R1a). Он не стал прослеживать историю каждой гаплогруппы, а ограничился приведением их числового распределения по картам. II оказалась наиболее густо представленной в Скандинавии (в том числе негерманской), R1b – в Западной Европе (с максимумом у басков) и R1a – в Восточной Европе (с максимумом в Польше и Восточной Прибалтике). Таким образом, с одной стороны, популяционная генетика согласуется с тремя очагами контактов с соседями, выявленными по изоглоссам. С другой – похоже, что основные Y-хромосомные гаплогруппы германцев близки митохондриальным по времени появления в Европе: по крайней мере значительная часть мужской генеалогии германцев охватывает и басков, обычно трактуемых как остатки древнейшего доиндоевропейского населения Европы, и финноугров.

Митохондриальные гаплогруппы вообще мало что могут сказать о происхождении германцев, так как их распределение по Европе произошло значительно раньше образования не только германцев, но и индоевропейцев и с тех пор мало изменялось. Но они рассказывают о предшествующем населении и тем самым кое-что о германцах. Наиболее распространенная у германских народов гаплогруппа H показывает те же числа, что и у других народов Европы, а максимум имеет у басков, минимум у саамов. Похоже, что баски остались от того населения, которое распространялось по Европе при отступании ледника (имея партнерами Y-гаплогруппу R1b), а саамы представляют собой пришельцев из другой, восточной волны заселения. У саамов самый высокий в Европе процент митохондриальных гаплогрупп U и V,

которые вообще распространены среди финно-угорских народностей и убывают у индоевропейцев от северо-востока к юго-западу. Таким образом, значительная часть женской генеалогии германцев ведет свое начало от палеолитического заселения Европы при общих корнях с финно-уграми, саамами и басками.

В целом книга производит очень хорошее впечатление. Это серьезный вклад в германистику и индоевропеистику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Клейн 1974 – Л.С. Клейн. [Рец. на:] R. Hachmann. Goten und Skandinavien. Berlin, 1970 // Советская археология. 1974. № 3.
- Клёсов 2011 – А.А. Клёсов. Коллизия двух парадигм? Переписка с Л.С. Клейном // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2011. Т. 4. № 2.
- Balaresque et al. 2010. – P. Balaresque, G.R. Bowden, S.M. Adams, H.-Y. Leung, T.E. King, et al. A predominantly Neolithic origin for European paternal lineages // Public library of science. Biology. 2010. V. 8(1).
- Hachmann 1970 – R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.
- Hachmann et al. 1962 – R. Hachmann, G. Kossack, H. Kuhn. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962.
- Klejn 1969a – L.S. Klejn. Zum Problem der Aussonderung und Gliederung des Streitaxtkulturkreises // H. Behrens, F. Schlette (Hrsg.). Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin, 1969.
- Klejn 1969b – L.S. Klejn. Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur // H. Behrens, F. Schlette (Hrsg.). Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen. Berlin, 1969.
- Klejn 1974 – L.S. Klejn. Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung. Polemische Bemerkungen zur Integration der Archäologie mit der schriftlichen Geschichte und der Sprachwissenschaft bei der ethnischen Deutung des Fundgutes // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 1974. Jg. 15. H. 2.

Л.С. Клейн

Сведения об авторе:
Лев Самуилович Клейн
СПбГУ